

Мишель де Монтень О том, что философствовать - это значит учиться умирать filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Монтень Мишель

О том, что философствовать - это значит учиться умирать

Цицерон говорит, что философствовать - это не что иное, как приготавливать себя к смерти. [1] И это тем более верно, ибо исследование и размышление влекут нашу душу за пределы нашего бренного "я", отрывают ее от тела, а это и есть некое предвосхищение и подобие смерти; короче говоря, вся мудрость и все рассуждения в нашем мире сводятся, в конечном итоге, к тому, чтобы научить нас не бояться смерти. И в самом деле, либо наш разум смеется над нами, либо, если это не так, он должен стремиться только к одной-единственной цели, а именно, обеспечить нам удовлетворение наших желаний, и вся его деятельность должна быть направлена лишь на то, чтобы доставить нам возможность творить добро и жить в свое удовольствие, как сказано в Священном писании. [2] Все в этом мире твердо убеждены, что наша конечная цель - удовольствие, и спор идет лишь о том, каким образом достигнуть его; противоположное мнение было бы тотчас отвергнуто, ибо кто стал бы слушать человека, утверждающего, что цель наших усилий - наши бедствия и страдания?

Разногласия между философскими школами в этом случае - чисто словесные. *Transcurramus sollertissimas nugas.* [3] Здесь больше упрямства и препирательства по мелочам, чем подобало бы людям такого возвышенного призвания. Впрочем, кого бы ни взялся изображать человек, он всегда играет вместе с тем и себя самого. Что бы ни говорили, но даже в самой добродетели конечная цель - наслаждение. Мне нравится дразнить этим словом слух тех, кому оно очень не по душе. И когда оно действительно обозначает высшую степень удовольствия и полнейшую удовлетворенность, подобное наслаждение в большей мере зависит от добродетели, чем от чего-либо иного. Становясь более живым, острым, сильным и мужественным, такое наслаждение делается от этого лишь более сладостным. И нам следовало бы скорее обозначать его более мягким, более милым и естественным словом "удовольствие", нежели словом "вожделение", как его часто именуют. Что до этого более низменного наслаждения, то если оно вообще заслуживает этого прекрасного названия, то разве что в порядке соперничества, а не по праву. Я нахожу, что этот вид наслаждения еще более, чем добродетель, сопряжен с неприятностями и лишениями всякого рода. Мало того, что оно мимолетно" зыбко и преходяще, ему также присущи и свои бдения, и свои посты, и свои тяготы, и пот, и кровь; сверх того, с ним сопряжены особые, крайне мучительные и самые разнообразные страдания, а затем - пресыщение, до такой степени тягостное, что его можно приравнять к наказанию. Мы глубоко заблуждаемся, считая, что эти трудности и помехи обостряют также наслаждение и придают ему особую пряность, подобно тому как это происходит в природе, где противоположности, сталкиваясь, вливают друг в друга новую жизнь; но в не меньшее заблуждение мы впадаем, когда, переходя к добродетели, говорим, что сопряженные с нею трудности и невзгоды превращают ее в бремя для нас, делают чем-то бесконечно суровым и недоступным, ибо тут гораздо больше, чем в сравнении с вышеназванным наслаждением, они облагораживают, обостряют и усиливают божественное и совершенное удовольствие, которое добродетель дарует нам. Поистине недостойн общения с добродетелью тот, кто кладет на чаши весов жертвы, которых она от нас требует, и приносимые ею плоды, сравнивая их вес; такой человек не представляет себе ни благодеяний добродетели, ни всей ее прелести. Если кто утверждает, что достижение добродетели - дело мучительное и трудное и что лишь обладание ею приятно, это все равно как если бы он говорил, что она всегда неприятна. Разве есть у человека такие средства, с помощью которых кто-нибудь хоть однажды достиг полного обладания ею? Наиболее совершенные среди нас почитали себя счастливыми и тогда, когда им выпадала возможность добиваться ее, хоть немного приблизиться к ней, без надежды обладать когда-нибудь ею. Но говорящие так ошибаются: ведь погоня за всеми известными нам удовольствиями сама по себе вызывает в нас приятное чувство. Само стремление порождает в нас желанный образ, а ведь в нем содержится добрая доля того, к чему должны привести наши действия, и представление о вещи едино с ее образом по своей сущности. Блаженство и счастье, которыми светится добродетель, заливают ярким сиянием все имеющее к ней отношение, начиная с преддверия и кончая последним ее пределом. И одно из главнейших благодеяний ее - презрение к смерти; оно придает нашей жизни спокойствие и безмятежность, оно позволяет вкушать ее чистые и мирные радости; когда же этого нет - отравлены и все прочие наслаждения.

Мишель де Монтень О том, что философствовать - это значит учиться умирать filosoff.org

Вот почему все философские учения встречаются и сходятся в этой точке. И хотя они в один голос предписывают нам презирать страдания, нищету и другие невзгоды, которым подвержена жизнь человека, все же не это должно быть первейшей нашей заботой, как потому, что эти невзгоды не столь уже неизбежны (большая часть людей проживает жизнь, не испытав нищеты, а некоторые - даже не зная, что такое физическое страдание и болезни, каков, например, музыкант Ксенофил, умерший в возрасте ста шести лет и пользовавшийся до самой смерти прекрасным здоровьем, [4] так и потому, что, на худой конец, когда мы того пожелаем, можно прибегнуть к помощи смерти, которая положит предел нашему земному существованию и прекратит наши мытарства. Но что касается смерти, то она неизбежна: *Omnes eodem cogimur, omnium versatur gurna, serius ocius Sors exitura et nos in aeternum Exitium impositura cymbae.* [5]

Из чего следует, что если она внушает нам страх, то это является вечным источником наших мучений, облегчить которые невозможно. Она подкрадывается к нам отовсюду. Мы можем, сколько угодно, оборачиваться во все стороны, как мы делаем это в подозрительных местах: *quae quasi saxum Tantalus semper impendit.* [6] Наши парламенты нередко отсылают преступников для исполнения над ними смертного приговора в то самое место, где совершено преступление. Заходите с ними по дороге в роскошнейшие дома, угощайте их там изысканнейшими яствами и напитками, *non Siculae dares Dulcem elaborabunt saporem, Non avium cytharaeque cantus Somnum reducent;* [7] думаете ли вы, что они смогут испытать от этого удовольствие и что конечная цель их путешествия, которая у них всегда перед глазами, не отобьет у них вкуса ко всей этой роскоши, и та не поблекнет для них? *Audit ier, numeratque dies, epatique viarum Metiur viam.torquetur peste futura.* [8]

Конечная точка нашего жизненного пути - это смерть, предел наших стремлений, и если она вселяет в нас ужас, то можно ли сделать хотя бы один-единственный шаг, не дрожа при этом, как в лихорадке? Лекарство, применяемое невежественными людьми - вовсе не думать о ней. Но какая животная тупость нужна для того, чтобы обладать такой слепотой! Таким только и взнуздывать осла с хвоста. *Qui capite ipse suo instituit vestigia retro,* - [9] и нет ничего удивительного, что подобные люди нередко попадают в западню. Они страшатся назвать смерть по имени, и большинство из них при произнесении кем-нибудь этого слова крестится так же, как при упоминании дьявола. И так как в завещании необходимо упомянуть смерть, то не ждите, чтобы они подумали о его составлении прежде, чем врач произнесет над ними свой последний приговор; и одному богу известно, в каком состоянии находятся их умственные способности, когда, терзаемые смертными муками и страхом, они принимаются, наконец, стряпать его.

Так как слог, обозначавший на языке римлян "смерть" [10], слишком резал их слух, и в его звучании им слышалось нечто зловещее, они научились либо избегать его вовсе, либо заменять перифразами. Вместо того, чтобы сказать "он умер", они говорили "он перестал жить" или "он отжил свое". Поскольку здесь упоминается жизнь, хотя бы и завершившаяся, это приносило им известное утешение. Мы заимствовали отсюда наше: "покойный господин имя рек". При случае, как говорится, слово дороже денег. Я родился между одиннадцатью часами и полночью, в последний день февраля тысяча пятьсот тридцать третьего года по нашему нынешнему летоисчислению, то есть, считая началом года январь". Две недели тому назад закончился тридцать девятый год моей жизни, и мне следует прожить, по крайней мере, еще столько же. Было бы безрассудством, однако, воздерживаться от мыслей о такой далекой, казалось бы, вещи. В самом деле, и стар и млад одинаково сходят в могилу. Всякий не иначе уходит из жизни, как если бы он только что вступил в нее.

Добавьте сюда, что нет столь дряхлого старца, который, памятуя о Мафусаиле [12], не рассчитывал бы прожить еще годиков двадцать. Но, жалкий глупец, - ибо что же иное ты собой представляешь! - кто установил срок твоей жизни? Ты основываешься на болтовне врачей. Присмотрись лучше к тому, что окружает тебя, обратишь к своему личному опыту. Если исходить из естественного хода вещей, то ты уже долгое время живешь благодаря особому благоволению неба. Ты превысил обычный срок человеческой жизни. И дабы ты мог убедиться в этом, подсчитай, сколько твоих знакомых умерло ранее твоего возраста, и ты увидишь, что таких много больше, чем тех, кто дожил до твоих лет. Составь, кроме того, список украсивших свою жизнь славою, и я побьюсь об заклад, что в нем окажется значительно больше умерших до тридцатипятилетнего возраста, чем перешедших этот порог. Разум и благочестие предписывают нам считать образцом человеческой жизни жизнь Христа; но она кончилась для него, когда ему было тридцать три года. Величайший среди людей, на этот раз просто человек - я имею в виду Александра - умер в таком же возрасте.

И каких только уловок нет в распоряжении смерти, чтобы захватить нас врасплох! *Quid quisque vitet, nunquam homini satis Cautum est in horas.*

Я не стану говорить о лихорадках и воспалении легких. Но кто мог бы подумать, что герцог Бретонский будет раздавлен в толпе, как это случилось при въезде папы Климента, моего соседа [14], в Лион? Не видали ли мы, как один из королей наших был убит, принимая участие в общей забаве? [15] И разве один из предков его не скончался, раненный вепрем? [16] Эсхил, которому было предсказано, что он погибнет раздавленный рухнувшей кровлей, мог сколько угодно принимать меры предосторожности; все они оказались бесполезными, ибо его поразил насмерть панцирь черепахи, выскользнувшей из когтей уносившего ее орла. Такой-то умер, подавившись виноградной косточкой [17]; такой-то император погиб от царапины, которую причинил себе гребнем; Эмилий Лепид - споткнувшись о порог своей собственной комнаты, а Авфидий ушибленный дверью, ведущей в зал заседаний совета. В объятиях женщин скончались свои дни: претор Корнелий Галл, Тигеллин, начальник городской стражи в Риме, Лодовико, сын Гвидо Гонзаго, маркиза Мантуанского, а также и эти примеры будут еще более горестными - Спевсипп, философ школы Платона, и один из пап. Бедняга Бебий, судья, предоставив недельный срок одной из тяжущихся сторон, тут же испустил дух, ибо срок, предоставленный ему, самому истек. Скоропостижно скончался и Гай Юлий, врач; в тот момент, когда он смазывал глаза одному из больных, смерть смежила ему его собственные. Да и среди моих родных бывали тому примеры: мой брат, капитан Сен-Мартен, двадцатитрехлетний молодой человек, уже успевший, однако, проявить свои незаурядные способности, как-то во время игры был сильно ушиблен мячом, причем удар, пришедшийся немного выше правого уха, не причинил раны и не оставил после себя даже кровоподтека. Получив удар, брат мой не прилег и даже не присел, но через пять или шесть часов скончался от апоплексии, причиненной этим ушибом. Наблюдая столь частые и столь обыденные примеры этого рода, можем ли мы отделаться от мысли о смерти и не испытывать всегда и всюду ощущения, будто она уже держит нас за ворот.

Но не все ли равно, скажете вы, каким образом это с нами произойдет? Лишь бы не мучиться! Я держусь такого же мнения, и какой бы мне ни представился способ укрыться от сыплющихся ударов, будь то даже под шкурой теленка, я не таков, чтобы отказаться от этого. Меня устраивает решительно все, лишь бы мне было покойно. И я изберу для себя наилучшую долю из всех, какие мне будут предоставлены, сколь бы она ни была, на ваш взгляд, мало почетной и скромной: *praetulerim dclirus inersque videri Dumea delectent mala me, vel denique fallant, Quam expere et rlngi.* [18]

Но было бы настоящим безумием питать надежды, что таким путем можно перейти в иной мир. Люди снуют взад и вперед, топчутся на одном месте, пляшут, а смерти нет и в помине. Все хорошо, все как нельзя лучше. Но если она нагрянет, - к ним ли самим или к их женам, детям, друзьям, захватив их врасплох, беззащитными, - какие мучения, какие вопли, какая ярость и какое отчаянье сразу овладевают ими! Видели ли вы кого-нибудь таким же подавленным, настолько же изменившимся, настолько смятенным? Следовало бы поразмыслить об этих вещах заранее. А такая животная беззаботность, - если только она возможна у сколько-нибудь мыслящего человека (по-моему, она совершенно невозможна) - заставляет нас слишком дорогою ценой покупать ее блага. Если бы смерть была подобна врагу, от которого можно убежать, я посоветовал бы воспользоваться этим оружием трусов. Но так как от нее ускользнуть невозможно, ибо она одинаково настигает беглеца, будь он плут или честный человек, *Nempe et fugasem persequitur virum, Nec parcit imbellis iuventae Poplitibus, timldoque tergo,* [19] и так как даже наилучшая броня от нее не обережет, *Ille licet ferro cautus se condat et aere, Mors tamen Inklusum protrahet inde caput,* [20] давайте научимся встречать ее грудью и вступать с нею в единоборство. И, чтобы отнять у нее главный козырь, изберем путь, прямо противоположный обычному. Лишим ее загадочности, присмотримся к ней, приучимся к ней, размышляя о ней чаще, нежели о чем-либо другом. Будемте всюду и всегда вызывать в себе ее образ и притом во всех возможных ее облициях. Если под нами споткнется конь, если с крыши упадет черепица, если мы наколемся о булавку, будем повторять себе всякий раз: "А что, если это и есть сама смерть?" Благодаря этому мы окрепнем, сделаемся более стойкими. Посреди празднества, в разгар веселья пусть неизменно звучит в наших ушах все тот же припев, напоминающий о нашем уделе; не будем позволять удовольствиям захватывать нас настолько, чтобы время от времени у нас не мелькала мысль: как наша веселость непрочна, будучи постоянно мишенью для смерти, и каким только неожиданным ударам ни подвержена наша жизнь! Так поступали египтяне, у которых был обычай вносить в торжественную залу, наряду с самыми лучшими явствами и напитками, мумию какого-нибудь покойника, чтобы она служила напоминанием для пирующих. *Omnes crede diem tibi diluxlaae supremum. Grata superveniet, quae non sperabitur hora.* [21]

Мишель де Монтень О том, что философствовать – это значит учиться умирать filosoff.org

Неизвестно, где поджидает нас смерть; так будем же ожидать ее всюду.

Размышлять о смерти – значит размышлять о свободе. Кто научился умирать, тот разучился быть рабом. Готовность умереть избавляет нас от всякого подчинения и принуждения. И нет в жизни зла для того, кто постиг, что потерять жизнь не зло. Когда к Павлу Эмилию явился посланец от несчастного царя македонского, его пленника, передавший просьбу последнего не принуждать его идти за триумфальной колесницей, тот ответил: "Пусть обратится с этой просьбой к себе самому".

По правде сказать, в любом деле одним умением и старанием, если не дано еще кое-что от природы, многого не возьмешь. Я по натуре своей не меланхолик, но склонен к мечтательности. И ничто никогда не занимало моего воображения в большей мере, чем образы смерти. Даже в наиболее легкомысленную пору моей жизни *Iucundum cum aetas florida ver ageret*, [22] когда я жил среди женщин и забав, иной, бывало, думал, что я терзаюсь муками ревности или разбитой надеждой, тогда как в действительности мои мысли были поглощены каким-нибудь знакомым, умершим на днях от горячки, которую он подхватил, возвращаясь с такого же праздника, с душой, полною неги, любви и еще не остывшего возбуждения, совсем как это бывает со мною, и в ушах у меня неотвязно звучало: *Jam fuerit. nec post unquam revocare licebit*. [23]

Эти раздумья не избородили мне морщинами лба больше, чем все остальные. Впрочем, не бывает, конечно, чтобы подобные образы при первом своем появлении не причиняли нам боли. Но возвращаясь к ним все снова и снова, можно в конце концов, освоиться с ними. В противном случае – так было бы, по крайней мере, со мной – я жил бы в непрестанном страхе волнений, ибо никто никогда не доверял своей жизни меньше моего, никто меньше моего не рассчитывал на ее длительность. И превосходное здоровье, которым я наслаждаюсь по сей час и которое нарушалось весьма редко, нисколько не может укрепить моих надежд на этот счет, ни болезни – ничего в них убавить. Меня постоянно преследует ощущение, будто я все время ускользаю от смерти. И я без конца нашептываю себе: "что возможно в любой день, то возможно также сегодня". И впрямь, опасности и случайности почти или – правильнее сказать нисколько не приближают нас к нашей последней черте; и если мы представим себе, что, кроме такого-то несчастья, которое угрожает нам, по-видимому, всех больше, над нашей головой нависли миллионы других, мы поймем, что смерть действительно всегда рядом с нами, – и тогда, когда мы веселы, и когда горим в лихорадке, и когда мы на море, и когда у себя дома, и когда в сражении, и когда отдыхаем. *Nemo altero fragilior est: nemo in crastinum sui certior*. [24] Мне всегда кажется, что до прихода смерти я так и не успею закончить то дело, которое должен выполнить, хотя бы для его завершения требовалось не более часа. Один мой знакомый, перебирая как-то мои бумаги, нашел среди них заметку по поводу некоей вещи, которую, согласно моему желанию, надлежало сделать после моей кончины. Я рассказал ему, как обстояло дело: находясь на расстоянии какого-нибудь лье от дома, вполне здоровый и бодрый, я поторопился записать свою волю, так как не был уверен, что успею добраться к себе. Вынашивая в себе мысли такого рода и вбивая их себе в голову, я всегда подготовлен к тому, что это может случиться со мной в любое мгновение. И как бы внезапно ни пришла ко мне смерть, в ее приходе не будет для меня ничего нового.

Нужно, чтобы сапоги были всегда на тебе, нужно, насколько это зависит от нас, быть постоянно готовыми к походу, и в особенности остерегаться, как бы в час выступления мы не оказались во власти других забот, кроме о себе. *Quid brevi fortes iaculamur aevum multa?* [25]

Ведь забот у нас и без того предостаточно. Один сетует не столько даже на самую смерть, сколько на то, что она помешает ему закончить с блестящим успехом начатое дело; другой – что приходится переселяться на тот свет, не успев устроить замужество дочери или проследить за образованием детей; этот оплакивает разлуку с женой, тот – с сыном, так как в них была отрада всей его жизни.

Что до меня, то я, благодарение богу, готов убраться отсюда, когда ему будет угодно, не печалюсь ни о чем, кроме самой жизни, если уход из нее будет для меня тягостен. Я свободен от всяких пут; я наполовину уже распрощался со всеми, кроме себя самого. Никогда еще не было человека, который был бы так основательно подготовлен к тому, чтобы уйти из этого мира, человека, который отрешился бы от него так окончательно, как, надеюсь, это удалось сделать мне. *Miser, o miser, alunt, omnia ademit Una dies infesta mihi tot praemia vitae*. [26]

А вот слова, подходящие для любителя строиться: *Manent opera interrupta, minaeque murorum ingentes*. [27]

Не стоит, однако, в чем бы то ни было загадывать так далеко вперед или, во всяком случае, проникаться столь великою скорбью из-за того, что тебе не

Мишель де Монтень о том, что философствовать – это значит учиться умирать filosoff.org удастся увидеть завершение начатого тобой. Мы рождаемся для деятельности: *Cum moriar, medium solvar et inter opus.* [28]

Я хочу, чтобы люди действовали, чтобы они как можно лучше выполняли налагаемые на них жизнью обязанности, чтобы смерть застигла меня за посадкой капусты, но я желаю сохранить полное равнодушие и к ней, и, тем более, к моему не до конца возделанному огороду. Мне довелось видеть одно умирающего, который уже перед самой кончиной не переставал выражать сожаление, что злая судьба оборвала нить составляемой им истории на пятнадцатом или шестнадцатом из наших королей. *Illud in his rebus non addunt, nec tibi earum iam desiderium rerum auper insidet una.* [29]

Нужно избавиться от этих малодушных и гибельных настроений. И подобно тому, как наши кладбища расположены возле церквей или в наиболее посещаемых местах города, дабы приучить, как сказал Ликург, детей, женщин и простолюдинов не пугаться при виде покойников, а также, чтобы человеческие останки, могилы и похороны, наблюдаемые нами изо дня в день, постоянно напоминали об ожидающей нас судьбе, *Quin etiam exhilarare viris convivium caede mos olim, et miscere epulis spectacula dira certantum ferro, saepe et super ipsa cadentum pocula respereis non parco sanguine mensis;* [30] подобно также тому, как египтяне, по окончании пира, показывали присутствующим огромное изображение смерти, причем державший его восклицал: "Пей и возвеселись сердцем, ибо, когда умрешь, ты будешь таким же", так и я приучал себя не только думать о смерти, но и говорить о ней всегда и везде. И нет ничего, что в большей мере привлекало б меня, чем рассказы о смерти такого-то или такого-то; что они говорили при этом, каковы были их лица, как они держали себя; это же относится и к историческим сочинениям, в которых я особенно внимательно изучая места, где говорится о том же. Это видно хотя бы уже из обилия приводимых мною примеров и из того необычайного пристрастия, какое я питаю к подобным вещам. Если бы я был сочинителем книг, я составил бы сборник с описанием различных смертей, снабдив его комментариями. Кто учит людей умирать, тот учит их жить.

Дикеарх [31] составил подобную книгу, дав ей соответствующее название, но он руководствовался иною, и притом менее полезной целью.

Мне скажут, пожалуй, что действительность много ужаснее наших представлений о ней и что нет настолько искусного фехтовальщика, который не смутился бы духом, когда дело дойдет до этого. Пусть себе говорят, а все таки размышлять о смерти наперед – это, без сомнения, вещь полезная. И потом, разве это безделица – идти до последней черты без страха и трепета? И больше того: сама природа спешит нам на помощь и ободряет нас. Если смерть быстрая и насильственная, у нас нет времени исполниться страхом пред нею; если же она не такова, то, насколько я мог заметить, втягиваясь понемногу в болезнь, я вместе с тем начинаю естественно проникаться известным пренебрежением к жизни. Я нахожу, что обрести решимость умереть, когда я здоров, гораздо труднее, чем тогда, когда меня треплет лихорадка. Поскольку радости жизни не влекут меня больше с такою силою, как прежде, ибо я перестаю пользоваться ими и получать от них удовольствие, – я смотрю и на смерть менее испуганными глазами. Это вселяет в меня надежду, что чем дальше отойду я от жизни и чем ближе подойду к смерти, тем легче мне будет свыкнуться с мыслью, что одна неизбежно сменил другую. Убедившись на многих примерах в справедливости замечания Цезаря, утверждавшего, что издали вещи кажутся нам нередко значительно большими, чем вблизи, я подобным образом обнаружил, что, будучи совершенно здоровым, я гораздо больше боялся болезней, чем тогда, когда они давали знать о себе: бодрость, радость жизни и ощущение собственного здоровья заставляют меня представлять себе противоположное состояние настолько отличным от того, в котором я пребываю, что я намного преувеличиваю в своем воображении неприятности, доставляемые болезнями, и считаю их более тягостными, чем оказывается в действительности, когда они настигают меня. Надеюсь, что и со смертью дело будет обстоять не иначе.

Рассмотрим теперь, как поступает природа, чтобы лишить нас возможности ощущать, несмотря на непрерывные перемены к худшему и постепенное увядание, которое все мы претерпеваем, и эти наши потери и наше постепенное разрушение. Что остается у старика из сил его юности, от его былой жизни? *Neu senibus vitae portio quanta manet.* [32]

Когда один из телохранителей Цезаря, старый и изнуренный, встретив его на улице, подошел к нему и попросил отпустить его умирать. Цезарь, увидев, насколько он немощен, довольно остроумно ответил: "Так ты, оказывается, мнишь себя живым?" Я не думаю, что мы могли бы снести подобное превращение, если бы оно сваливалось на нас совершенно внезапно. Но жизнь ведет нас за руку по отлогому, почти неприметному склону, потихоньку до пологоньку, пока не ввергнет в это жалкое состояние, заставив исподволь свыкнуться с ним. Вот почему мы не ощущаем никаких потрясений, когда наступает смерть нашей

Мишель де Монтень о том, что философствовать – это значит учиться умирать filosoff.org молодости, которая, право же, по своей сущности гораздо более жестока, нежели кончина еле теплящейся жизни, или же кончина нашей старости. Ведь прыжок от бытия-прозябания к небытию менее тягостен, чем от бытия-радости и процветания к бытию – скорби и муке.

Скрюченное и согбенное тело не в состоянии выдержать тяжелую ношу; то же и с нашей душой: ее нужно выпрямить и поднять, чтобы ей было под силу единоборство с таким противником. Ибо если невозможно, чтобы она пребывала спокойной, трепеща перед ним, то, избавившись от него, она приобретает право хвалиться, – хотя это, можно сказать, почти превосходит человеческие возможности, – что в ней не осталось более места для тревоги, терзаний, страха или даже самого легкого огорчения. *Non vultus instantis tyrainni Mente quatit solida, neque Austor Dux inquieti turbidus Adriae, Nec fulminantis magna lovis manus.* [33]

Она сделалась госпожой своих страстей и желаний; она властвует над нуждой, унижением, нищетой и всеми прочими превратностями судьбы. Так давайте же, каждый в меру своих возможностей, добиваться столь важного преимущества! Вот где подлинная и ничем не стесняемая свобода, дающая нам возможность презирать насилие и произвол и смеяться над тюрьмами и оковами: *In manicis. et Compedibus, saevo te sub custode tenebo. Ipse deus simul atque volam, me solvet: opinor Hoc sentit, moriar. Mere ultima linea rerum est.* [34]

Ничто не влекло людей к нашей религии более, чем заложенное в ней презрение к жизни. И не только голос разума призывает нас к этому, говоря: стоит ли бояться потерять нечто такое, потеря чего уже не сможет вызвать в нас сожаления? – но и такое соображение: раз нам угрожают столь многие виды смерти, не тягостнее ли страшиться их всех, чем претерпеть какой-либо один? И раз смерть неизбежна, не все ли равно, когда она явится? Тому, кто сказал Сократу: "Тридцать тиранов осудили тебя на смерть", последний ответил: "А их осудила на смерть природа". [35]

Какая бессмыслица огорчаться из-за перехода туда, где мы избавимся от каких бы то ни было огорчений!

Подобно тому как наше рождение принесло для нас рождение всего окружающего, так и смерть наша будет смертью всего окружающего. Поэтому столь же нелепо оплакивать, что через сотню лет нас не будет в живых, как то, что мы не жили за сто лет перед этим. Смерть одного есть начало жизни другого. Точно так же плакали мы, таких же усилий стоило нам вступить в эту жизнь, и так же, вступая в нее, срывали мы с себя свою прежнюю оболочку.

Не может быть тягостным то, что происходит один-единственный раз. Имеет ли смысл трепетать столь долгое время перед столь быстротечную вещь? Долго ли жить, мало ли жить, не все ли равно, раз и то и другое кончается смертью? Ибо для того, что больше не существует, нет ни долгого ни короткого. Аристотель рассказывает, что на реке Гипанис обитают крошечные насекомые, живущие не дольше одного дня. Те из них, которые умирают в восемь часов утра, умирают совсем юными; умирающие в пять часов вечера умирают в преклонном возрасте. Кто же из нас не рассмеялся бы, если б при нем назвали тех и других счастливыми или несчастными, учитывая срок их жизни? Почти то же и с нашим веком, если мы сравним его с вечностью или с продолжительностью существования гор, рек, небесных светил, деревьев и даже некоторых животных. [35]

Впрочем, природа не дает нам зажаться. Она говорит: "Уходите из этого мира так же, как вы вступили в него. Такой же переход, какой некогда бесстрастно и безболезненно совершили вы от смерти к жизни, совершите теперь от жизни к смерти. Ваша смерть есть одно из звеньев управляющего вселенной порядка; она звено мировой жизни: *inter se mortales mutua vivunt Et quasi cursores vital lampada tradunt.* [37]

Неужели ради вас стану я нарушать эту дивную связь вещей? Раз смерть обязательное условие вашего возникновения, неотъемлемая часть вас самих, то значит, вы стремитесь бежать от самих себя. Ваше бытие, которым вы наслаждаетесь, одной своей половиной принадлежит жизни, другой – смерти. В день своего рождения вы в такой же мере начинаете жить, как умирать: *Prima, quae vitam dedit, hora, carpsit.* [38] *Nascentes morimur, finiaque ab origine pendet.* [39]

Всякое прожитое вами мгновение вы похищаете у жизни; оно прожито вами за ее счет. Непрерывное занятие всей вашей жизни – это взращивать смерть. Пребывая в жизни, вы пребываете в смерти, ибо смерть отстанет от вас не раньше, чем вы покинете жизнь.

Или, если угодно, вы становитесь мертвыми, прожив свою жизнь, но проживете вы ее, умирая: смерть, разумеется, несравненно сильнее поражает умирающего, нежели мертвого, гораздо острее и глубже.

Если вы познали радости в жизни, вы успели насытиться ими; так уходите же с удовлетворением в сердце: *Cur non ut plenus vitae conviva recedis?* [40]

Если же вы не сумели ею воспользоваться, если она поскупилась для вас, что

Мишель де Монтень О том, что философствовать - это значит учиться умирать filosoff.org
вам до того, что вы потеряли ее, на что она вам? *Cur amplius addere quaeris
Rursum quod pereat male, et ingratum occidat omne?* [41]

Жизнь сама по себе - ни благо, ни зло: она вместилище и блага и зла. смотря по тому, во что вы сами превратили ее. И если вы прожили одинединственный день, вы видели уже все. Каждый день таков же, как все прочие дни. Нет ни другого света, ни другой тьмы. Это солнце, эта луна, эти звезды, это устройство вселенной - все это то же, от чего вкусили пращурь ваши и что взрастит ваших потомков: *Non alium videre: patrea aliumve nepotes Aspicient.* [42]

И, на худой конец, все акты моей комедии, при всем разнообразии их, протекают в течение одного года. Если вы присматривались к хороводу четырех времен года, вы не могли не заметить, что они обнимают собою все возрасты мира: детство, юность, зрелость и старость. По истечении года делать ему больше нечего. И ему остается только начать все сначала. И так будет всегда: *versamur ibidem, atque insumus usque Atque in ae aua per vestigia volvitur annus.* [43]

Или вы воображаете, что я стану для вас создавать какие-то новые развлечения? *Nam tibi praeterea quod machiner, inveniamque Quod placeat, nihil eat, eadem aunt omnia semper.* [44]

Освободите место другим, как другие освободили его для вас. Равенство есть первый шаг к справедливости. Кто может жаловаться на то, что он обречен, если все другие тоже обречены? Сколько бы вы ни жили, вам не сократить того срока, в течение которого вы пребудете мертвыми. Все усилия здесь бесцельны: вы будете пребывать в том состоянии, которое внушает вам такой ужас, столько же времени, как если бы вы умерли на руках кормилицы: *licet, quod vis, vivendo vincere saecula. Mors aeterna tamen nihilominus illa manebit.* [45]

И я поведу вас туда, где вы не будете испытывать никаких огорчений: *In vera nescis nullum fore morte alium te, Qui possit vivua tibi lugere peremotum. Stansque lacentem.* [46]

И не будете желать жизни, о которой так сожалеете: *Nec sibi enim quiaquam turn se vitamque requirit, Nec desiderium nostri nos afflictit ullum.* [47]

Страху смерти подобает быть ничтожнее, чем ничто, если существует чтонибудь ничтожнее, чем это последнее: *multo mortem minus ad nod esse putandum si minus esse potest quam quod nihil esse videmus.* [48]

Что вам до нее - и когда вы умерли, и когда живы? Когда живы - потому, что вы существуете; когда умерли - потому, что вас больше не существует.

Никто не умирает прежде своего час. То время, что останется после вас, не более ваше, чем то, что протекало до вашего рождения; и ваше дело тут сторона: *Respice enim quam nil ad nos ante acta vetustas Temporiis aeterni fuerit.* [49]

Где бы ни окончилась ваша жизнь, там ей и конец. Мера жизни не в ее длительности, а в том, как вы использовали ее: иной прожил долго, да пожил мал; не мешкай те, пока пребываете здесь. Ваша воля, а не количество прожитых лет определяет продолжительность вашей жизни. Неужели вы думали, что никогда так и не доберетесь туда, куда идете, не останавливаясь? Да есть ли такая дорога, у которой не было бы конца? И если вы можете найти утешение в доброй компании, то не идет ли весь мир той же стязею, что вы? *Omnia te vita porfuncta sequentur.* [50]

Не начинает ли шататься все вокруг вас, едва пошатнетесь вы сами? Существует ли что-нибудь, что не старилось бы вместе с вами? Тысячи людей, тысячи животных, тысячи других существ умирают в то же мгновение, что и вы: *Nam nox nulla diem, neque noctem aurora secuta est, Quae non audierit mistos vagitibus aegris Ploratus, mortis cimitis et funeris atri.* [51]

Что пользы пятиться перед тем, от чего вам все равно не уйти? Вы видели многих, кто умер в самое время, ибо избавился, благодаря этому, от великих несчастий. Но видели ли вы хоть кого-нибудь, кому бы смерть причинила их? Не очень-то умно осуждать то, что ие испытано вами, ни на себе, ни на другом. Почему же ты жалуешься и на меня и на свою участь? Разве мы несправедливы к тебе? Кому же надлежит управлять: нам ли тобою или тебе нами? Еще до завершения сроков твоих, жизнь твоя уже завершилась. Маленький человек такой же цельный человек, как и большой. Ни людей, ни жизнь человеческую не измерить локтями. Хирон отверг для себя бессмертие, узнав от Сатурна, своего отца, бога бесконечного времени, каковы свойства этого бессмертия [52]. Вдумайтесь хорошенько в то, что называют вечной жизнью, и вы поймете, насколько она была бы для человека более тягостной и нестерпимой, чем та, что я даровала ему. Если бы у вас не было смерти, вы без конца осыпали б меня проклятиями за то, что я вас лишила ее. Я сознательно подмешала к ней чуточку горечи, дабы, принимая во внимание доступность ее, воспрепятствовать вам слишком жадно и безрассудно устремляться навстречу ей. Чтобы привить вам ту умеренность, которой я от

Мишель де Монтень о том, что философствовать – это значит учиться умирать filosoff.org вас требую, а именно, чтобы вы не отвращались от жизни и вместе с тем не бежали от смерти, я сделала и ту и другую наполовину сладостными и наполовину скорбными.

Я внушила Фалесу, первому из ваших мудрецов, ту мысль, что жить и умирать – это одно и то же. И когда кто-то спросил его, почему же, в таком случае, он все-таки не умирает, он весьма мудро ответил: "Именно потому, что это одно и то же."

Вода, земля, воздух, огонь и другое, из чего сложено мое здание, суть в такой же мере орудия твоей жизни, как и орудия твоей смерти. К чему страшиться тебе последнего дня? Он лишь в такой же мере способствует твоей смерти, как и все прочие. Последний шаг не есть причина усталости, он лишь дает ее почувствовать. Все дни твоей жизни ведут тебя к смерти; последний только подводит к ней".

Таковы благие наставления нашей родительницы-природы. Я часто задумывался над тем, почему смерть на войне – все равно, касается ли это нас самих или кого-либо иного, – кажется нам несравненно менее страшной, чем у себя дома; в противном случае, армия состояла бы из одних плакс да врачей; и еще: почему, несмотря на то, что смерть везде и всюду все та же, крестьяне и люди низкого звания относятся к ней много проще, чем все остальные? Я полагаю, что тут дело в печальных лицах и устрашающей обстановке, среди которых мы ее видим и которые порождают в нас страх еще больший, чем сама смерть. Какая новая, совсем необычная картина: стоны и рыдания матери, жены, детей, растерянные и смущенные посетители, услуги многочисленной челяди, их заплаканные и бледные лица, комната, в которую не допускается дневной свет, зажженные свечи, врачи и священники у нашего изголовья! Короче говоря, вокруг нас ничего, кроме испуга и ужаса. Мы уже заживо облачены в саван и преданы погребению. Дети боятся своих новых приятелей, когда видят их в маске, – то же происходит и с нами. Нужно сорвать эту маску как с вещей, так, тем более, с человека, и когда она будет сорвана, мы обнаружим под ней ту же самую смерть, которую незадолго перед этим наш старый камердинер или служанка претерпели без всякого страха. Благостна смерть, не давшая времени для этих пышных приготовлений.

[1] ...философствовать – это... приуготовлять себя к смерти. – Цицерон. Тускуланские беседы, I, 30.

[2] ...жить в свое удовольствие... – См. Екклесиаст, III, 12.

[3] Давайте оставим эти мелкие ухищрения (лат). – Сенека. Письма, 117, 30.

[4] ...Ксенофил, умерший в возрасте ста шести лет... – Валерий Максим, VIII, 13, 3. Здесь у Монтеня неточность: Ксенофил – философ, а музыкант Аристоксен.

[5] Все мы влекомы к одному и тому же; для всех встряхивается урна, позже ли, раньше ли – выпадет жребий и нас для вечной погибели обречет ладье

[Харона] (лат). – Гораций. Оды, II, 3, 25 сл

[6] Она всегда угрожает, словно скала Тантала (лат). – Цицерон. О высшем благе и высшем зле, I, 18.

[7] ... ни сицилийские яства не будут услаждать его, ни пение птиц и игра на кифаре не возвратят ему сна (лат). Гораций. Оды. III, I. 18 сл.

[8] Он тревожится о пути, считает дни, отмеряет жизнь дальностью дорог и мучим мыслями о грядущих бедствиях (лат). – Клавдиан. Против Руфина, II, 137-138.

[9] Он задумал идти, вывернув голову назад (лат). – Лукреций, IV, 472.

[10] ...слог, обозначавший на языке римлян "смерть"... – По-латыни смерть *mors*. [11] ...по нашему нынешнему летосчислению... – Карл IX ордонансом 1563 г. повелел считать началом года 1 января. Раньше год начинался с пасхи.

[12] ...памятуя о Мафусаиле... – Согласно библейской легенде, патриарх Мафусаил прожил 969 лет.

[13] Человек не в состоянии предусмотреть, чего ему должно избегать в то или иное мгновение (лат). – Го-раций, Оды, II, 13, 13-14.

[14] ...кто мог... подумать, что герцог Бретонский будет раздавлен в толпе... – Монтень имеет в виду герцога Бретонского Жана II, погибшего в 1305 г. Климент V до своего избрания папой был архиепископом бордоским; вот почему Монтень называет его своим соседом.

[15] ...один из королей наших был убит... в общей забаве... – Так окончил жизнь Генрих II, смертельно раненный в 1559 г. на турнире, который был устроен по случаю свадьбы его дочери.

[16] ...скончался раненный вепрем. – Филипп IV Красивый, гонитель тамплиеров, погиб на охоте в 1131 г.

[17] ...умер, подавившись виноградной косточкой... – По преданию, так умер древнегреческий лирик Анакреонт (VI в. до н. г.).

[18] ...я предпочел бы казаться слабоумным и бездарным, лишь бы мои

Мишель де Монтень о том, что философствовать – это значит учиться умирать filosoff.org недостатки развлекали меня или, по крайней мере, обманывали, чем их сознавать и терзаться от этого (лат). – Гораций. Послания, II, 2, 126 сл. лишь бы мои недостатки развлекали меня...

[19] Ведь она преследует и беглеца-мужа и не щадит ни поджилки, ни робкой спины трусливого юноши (лат). – Гораций. Оды, III, 2, 14 сл.

[20] Пусть он предусмотрительно покрыл себя железом и медью, смерть все же извлечет из доспехов его защищенную голову (лат). – Проперций, III, 18, 25–26.

[21] Считаю всякий день, что тебе выпал, последним, и будет милым тот час, на который ты не надеялся (лат). – Гораций. Послания, I, 4, 13–14.

[22] Когда мой цветущий возраст переживи! свою веселую весну (лат). Катюлл, LXVIII, 16.

[23] Он отживет свое, и никогда уже нельзя будет призвать его назад (лат). Лукреций, III, 915.

[24] Всякий человек столь же хрупок, как все прочие; всякий одинаково не уверен в завтрашнем дне (лат). – Сенека. Письма, 91, 16.

[25] К чему нам в быстротечной жизни дерзко домогаться столь многого? (лат). – Гораций. Оды, II, 16, 17.

[26] О я несчастный, о жалкий! – восклицают они. – Один горестный день отнял у меня дары жизни (лат). Лукреций. III, 898–899.

[27] Работы остаются незавершенными, и не закончены высокие зубцы стен (лат). – Вергилий. Энеида, IV, 88 сл. Цитируется неточно. У Вергилия вместо *manent* – *pendent*.

[28] Я хочу, чтобы смерть застигла меня посреди трудов (лат). – Овидий. Любовные стихотворения, II, 10, 86.

[29] Но вот чего они не добавляют: зато нет у тебя больше и стремления ко всему этому после смерти (лат). – Лукреций, III, 900–901.

[30] Был в старину у мужей обычай оживлять пиры смертоубийством и примешивать к трапезе жестокое зрелище сражающихся, которые падали иной раз среди кусков, поливая обильно кровью пиршественные столы (лат). Силий Италик. Пунические войны, XI, 51 сл.

[31] Дикеарх – древнегреческий философ, отрицающий существование души и утверждающий, что она только тело, находящееся в "определенном состоянии" (IV в. до н. э.).

[32] Увы! Сколь малая толика жизни оставлена старцам (лат). – Максимиан. Элегия, I, 16.

[33] Ничто не в силах поколебать стойкость его души: ни взгляд грозного тирана, ни Австр [южный ветер], буйный владыка бурной Адриатики, ни мощная рука громовержца Юпитера (лат). – Гораций. Оды, III, 3, 8 сл.

[34] "В наручниках и сковав тебе ноги, я буду держать тебя во власти сурового тюремщика". – "Сам бог, как только я захочу, освободят меня". Полагаю, он думал при этом: "Я умру". Ибо во смертью – конец всему (лат). Гораций. Послания, I, 16, 76 сл.

[35] ...Тридцать тиранов осудили тебя на смерть... – Здесь у Монтеня неточность: Сократа приговорили к смерти не Тридцать тиранов (404 г. до н. э.), а афинский суд присяжных в 399 г. до н. э. Приводимый рассказ см.: Диоген Лаэртский, II, 35.

[36] ...то же и с нашим веком, если мы сравним его с вечностью... – Эта мысль Монтеня чрезвычайно важна: она доказывает, что вразрез с католическим верованием Монтень отрицает бессмертие души (Монтень повторяет эту мысль и в других местах своих "Опытов"). Следует отметить, что во всей этой главе, как и в предыдущей, где Монтень рассматривает вопрос о смерти с разных точек зрения, он нигде, однако, не упоминает о соблюдении при этом католического ритуала.

[37] Смертные перенимают жизнь одни у других... и словно скороходы, передают один другому светильник жизни (лат). – Лукреций, II, 76, 79.

[38] Первый же час давший нам жизнь, укоротил ее (лат). – Сенека. Неистовый Геркулес, 874.

[39] Рождаясь, мы умираем; конец обусловлен началом (лат). – Манилий. Астрономика, IV, 16.

[40] Почему же ты не уходишь из жизни, как пресыщенный сотрапезник [с пира]? (лат). – Лукреций. III, 938.

[41] Почему же ты стремишься продлить то, что погибнет и осуждено на бесследное исчезновение? (лат). – Лукреций, III, 941–942.

[42] Это то, что видели наши отцы, это то, что будут видеть потомки (лат). Манилий. Астрономика, I, 522–523.

[43] Здесь Монтень соединяет два стиха – один из Лукреция, другой из Вергилия: 1) "Мы вращаемся и пребываем всегда среди одного и того же" (Лукреций, III, 1080);... 2) "И к себе по своим же следам возвращается год" (лат). (Вергилий. Георгики, II, 402).

[44] ибо. что бы я [Природа] ни придумала, чтобы я ни измыслила, нет

Мишель де Монтень о том, что философствовать - это значит учиться умирать filosoff.org ничего такого что тебе бы не понравилось, все всегда остается тем же самым (лат). Лукреций, III, 944-945.

[45] Можно побеждать, сколько угодно, жизнью века, - все равно тебе предстоит вечная смерть (лат). - Лукреций, III, 1090-1091.

[46] Неужели ты не знаешь, что после истинной смерти не будет второго тебя, который мог бы, живой, оплакивать тебя, умершего, стоя над лежащим (лат). Лукреций, III, 855 сл.

[47] и тогда никто не заботится ни о себе, ни о жизни... н у нас нет больше печали о себе (лат). - Лукреций, III, 919, 922

[48] нужно считать, что смерть для нас - нечто гораздо меньшее, - если только может быть меньшее, - чем то, что как видим, является ничем (лат). Лукреций, III, 926-927.

[49] ибо заметить, вечность минувших времен для нас совершеннейшее ничто (лат). - Лукреций, III, 972-973.

[50] ...и, прожив свою жизнь, все последуют за тобой (лат). - Лукреций, III, 968.

[51] Не было ни одной ночи, сменившей собой день, ни одной зари, сменившей ночь, которым не пришлось бы услышать смешанные с жалобным плачем малых детей стенания, этих спутников смерти и горестных похорон (лат). - Лукреций, II, 578 сл.

[52] Кентавр Хирон, воспитавший Геркулеса и позднее Ахилла, был сыном Крона и нимфы Филлиры. Раненный отравленной стрелой, он стал молить богов о ниспослании ему смерти; тогда Зевс сжалился над ним и переселил его на небо; так возникло созвездие Стрельца.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!